Ганс Христиан Андерсен

Обрывок жемчужной нити

Железная дорога проведена у нас в Дании пока только от Копенгагена до Корсера (Т. е. в 1859 г. — Примеч. перев.); дорога эта — настоящий обрывок жемчужной нити, каких в Европе множество. Драгоценнейшими жемчужинами, нанизанными на них, являются: Париж, Лондон, Вена, Неаполь!.. Многие укажут, впрочем, не на эти большие города, а на какой-нибудь незначительный городок, где родились и где живут милые их сердцу; в глазах иных жемчужиною является одинокий двор, маленький домик, приютившийся в зелени; миг — и он промелькнул перед глазами путешественника, смотрящего из окна вагона.

Много ли жемчужин нанизано на нить, что протянута от Копенгагена до Корсера? Можно указать на шесть, на которые редко кто не обратит внимания; старые песни и поэзия придали этим жемчужинам такой блеск, что они вечно сияют в нашей памяти.

Вот близ холма, где возвышается дворец Фредерика IV, где стоит отчий дом Эленшлегера, блестит на лесной поляне в Сендермаркене одна из этих жемчужин; прозвали ее «Хижиной Филемона и Бавкиды», т. е. хижиной любящей супружеской четы. Здесь жил когда-то Рабек (Датский писатель, критик и автор чувствительных и популярных застольных песен, бывший с женой своей Каммой душой и центром литературных кружков Дании. — Примеч. перев.) со своей женой Каммой. Под их гостеприимной кровлей собирались в течение полувека представители умственных сфер шумной столицы — Копенгагена; в те времена здесь был приют ума, а теперь!.. Но не говорите: «как изменчивы времена!» Здесь и теперь «приют ума», теплица для больных растений! Бутоны, что не в силах распуститься, все-таки скрывают в себе ростки, лепестки и семена. Солнце ума светит в этот мирный приют, оживляет растения, пробуждает к жизни зародыши. Впечатления окружающего мира, воспринимаемые темной душой, отражаются в глазах. «Приют слабоумных», воздвигнутый человеколюбием, — священное место, теплица для больных растений, которые должны быть некогда пересажены и расцвести в саду Божием. Слабоумные собраны ныне здесь, где когда-то встречались гиганты ума, встречались, обменивались мыслями и возносились душою туда, туда!.. Туда же стремится душевное пламя из «Хижины Филемона и Бавкиды» и поныне.

Город, где почиют короли, где журчит источник Роара, старый Роскильде лежит перед нами! Стройные, остроконечные башни собора возвышаются над маленьким городком и отражаются в Исефиорде. Отыщем же здесь одну могилу — блестящую жемчужину. Это не будет могила могущественной королевы Маргариты Объединительницы, нет, мы отыщем на кладбище, мимо белых стен которого мчится поезд, скромную надгробную плиту; под нею почиет царь органистов, обновитель датского романса. Благодаря ему старые предания звучат для нас родными, близкими сердцу мелодиями, мы чувствуем, где «катятся прозрачные волны», где «жил-был в Лейре король!» (Первые строфы двух любимых датских песен, положенных на музыку композитором Вейзе. — Примеч. перев.). Роскильде, город, где почиют короли, твоей жемчужиной является скромная могила; на плите, покрывающей ее, высечены лира и имя: Вейзе.

Теперь мы у местечка Сигерстед близ города Рингстеда; река обмелела, и желтая рожь растет там, где приставала некогда лодка Гагбарта к терему Сигне. Кто не знает сказания о Гагбарте, висевшем на дубу, и о Сигне, сгоревшей в терему, о их пламенной любви?..

«Чудный Сорё, в венке из лесов!» Монастырски-тихий городок выглядывает из-за обросших мхом деревьев. Юношеским взором смотрит он из окон Академии на озеро, на мировую дорогу и прислушивается к пыхтению паровоза, пролетающего через лес. Сорё, жемчужина поэзии, хранящая прах Гольберга! Словно могучий белый лебедь покоится над глубоким озером в чаще леса «Дворец науки», а вблизи его взор наш отыскивает блестящий, как беленький полевой цветочек, скромный домик. Оттуда разносятся по всей стране благочестивые псалмы; к раздающемуся оттуда слову прислушивается даже крестьянин и узнает из него о давно минувших

временах и судьбах Дании. Зеленый лес и пение птиц, Сорё и Ингеманн (Один из популярнейших датских поэтов и романистов. — Примеч. перев.) — одинаково нераздельные понятия.
Теперь в город Слагельсе! Какая жемчужина блестит здесь? Исчез Антворсковский монастырь, исчезли роскошные дворцовые покои, даже покинутый одинокий флигель. Сохранился лишь один памятник старины — его подновляли не раз — деревянный крест на холме, где, по преданию, пробудился перенесенный сюда из Иерусалима в одну ночь священник св. Андерс.
Корсер! Здесь родился ты, Кнуд Зеландский дядюшка (Псевдоним Баггесена (см. примеч. Том I, стр. 318). — Примеч. перев.), мастер слова, виртуоз остроумия! О месте, где находился твой отчий дом, свидетельствуют ныне одни обвалившиеся старые валы. На заходе солнца от них падает тень как раз на то местечко, где стоял он. С этих валов смотрел ты, «когда был ребенком», и воспевал в бессмертных стихах «месяц, что скользит над островом», как воспел впоследствии и горы Швейцарии! Да, тут жил ты, исходивший мировой лабиринт и нашедший, что

Нигде, нигде так ярко не алеют розы,
Нигде не сыщем мельче мы шипов,
Нигде нас не баюкают так сладко грезы,
Как там, где наш родной, наш отчий кров!

Певец остроумия! Мы сплетем тебе венок из дикого ясминника, бросим его в море, и волны отнесут его в Кильский залив, на берегу которого покоится твой прах. Венок принесет тебе привет от молодого поколения, поклон от родного города Корсера, где обрывается жемчужная нить.
— Да это и впрямь обрывок жемчужной нити! — сказала бабушка, выслушав то, что мы ей прочли. — Дорога от Копенгагена до Корсера, по-моему, настоящая жемчужная нить; так я стала смотреть на нее еще сорок с лишком лет тому назад. Тогда железных дорог у нас еще не водилось, и приходилось ехать дни, тогда как теперь нужны только часы. Было это в тысяча восемьсот пятнадцатом году, мне тогда шел двадцать второй год — славный возраст! Впрочем, и шестьдесят лет — славный, благословенный возраст! В те времена поездка в Копенгаген, город городов, как мы называли его, была редким событием, не то что теперь. Мои родители собрались повторить такую поездку только через двадцать лет и решили и меня взять с собою; о поездке этой мы толковали много лет, и, наконец, она должна была состояться. Мне казалось, что теперь для меня начнется новая жизнь, да так оно отчасти и вышло.
Пошло шитье, упаковка; когда же настало время отъезда, сколько добрых друзей понашло к нам пожелать счастливого пути! Нам предстояло ведь большое путешествие! Поутру мы выехали из Одензе в собственном старомодном возке; из окон высовывались и кланялись знакомые; поклоны и пожелания провожали нас по всей улице, пока мы не выехали из ворот св. Юргена. Погода стояла чудная, птицы пели, все было так хорошо, что забывалось, какая предстоит нам долгая, утомительная дорога до Нюборга; к вечеру, однако, мы благополучно добрались до него. Почта приходила туда только ночью, а раньше не отправлялся и корабль, на который мы сели. Перед нами лежала огромная водяная равнина — глазом не окинуть! Мы улеглись на койках, не раздеваясь, и заснули. Утром я проснулась и вышла на палубу — не было видно ни зги, нас окружал густой туман. Я услышала крик петухов и почувствовала, что восходит солнце; зазвонили колокола; где же мы были? Туман рассеялся, и я увидела, что мы лежим себе прямехонько против... Нюборга. Днем, наконец, подул ветер, но как раз навстречу нам. Мы лавировали, лавировали, и часам этак к двенадцати ночи добрались-таки до Корсера. Таким образом, мы в двадцать два часа сделали четыре мили.
То-то приятно было выйти на берег!.. Но в городе царствовала темнота; фонари горели прескверно, все казалось мне тут таким чужим, диким — я ведь ни разу еще не бывала ни в каком другом

городе, кроме своего родного Одензе. «Вот тут родился Баггесен! — сказал мне отец. — Тут же жил и Биркнер!» (Автор знаменитой в свое время статьи о свободе печати (1797 г.). — Примеч. перев.)

И старый город с маленькими домами сразу показался мне как-то светлее и больше. К тому же мы так радовались, что у нас, наконец, под ногами твердая почва. Но заснуть в эту ночь я так и не могла от наплыва массы новых впечатлений. И подумать, что мы выехали из дома всего третьего дня! На следующее утро пришлось подняться рано: нам предстояла ужасная дорога по холмам, по рытвинам до самого Слагельсе, да и за ним, говорили нам, пойдет не лучше, а нам хотелось вовремя прибыть в гостиницу «Рака», чтобы успеть в тот же день побывать в Сорё и навестить «Мельникова Эмиля», как мы его звали. Это и был ваш дедушка, мой покойный муж, священник. Тогда он был студентом академии в Сорё и только что сдал свой второй экзамен.

После полудня мы прибыли в гостиницу; в те времена это была лучшая гостиница на всем пути. Окрестности ее были тогда удивительно живописны, да вы, конечно, скажете, что они и теперь не хуже. Расторопная хозяйка, госпожа Пламбек, держала свое заведение в безукоризненной чистоте и порядке. На стене, в рамке за стеклом, висело письмо Баггесена к ней — на него стоило взглянуть! В моих глазах это была такая достопримечательность!.. Потом мы пошли в Сорё и разыскали Эмиля. Вот-то обрадовался он нам, а мы ему! Как он был мил, внимателен к нам! Вместе пошли мы в церковь, где находится могила Абсалона и гробница Гольберга, осматривали старинные надписи на стенах, сделанные монахами, переправлялись через озеро на «Парнас», словом, провели чудеснейший вечер, какой только запомню! И мне, право, казалось, что если где-нибудь на свете можно писать стихи, так это именно в Сорё, среди его мирной, чудной природы. При свете луны мы прошлись по «аллее философов», как называют прелестную уединенную дорожку вдоль озера и болота, ведущую на проезжую дорогу к гостинице. Эмиль остался у нас ужинать; отец и мать мои нашли, что он стал таким умным и похорошел. Он пообещал нам через пять дней приехать в Копенгаген к родным и навестить нас — через пять дней наступала ведь Троица. Часы, проведенные нами в Сорё и в гостинице «Рака», принадлежат к прекраснейшим жемчужинам моей жизни.

На другое утро мы выехали очень рано — нам предстояла длинная дорога, а мы должны были прибыть в Роскильде засветло, чтобы успеть осмотреть церковь; вечером же отец хотел навестить одного старого школьного товарища. Так все и вышло; ночь мы провели в Роскильде, утром выехали и, наконец, только около полудня — тут пошла самая ужасная, избитая дорога — добрались до Копенгагена. Итак, мы почти три дня добирались от Корсера до Копенгагена, а вам теперь нужно на это всего три часа. Жемчужины не стали от того прекраснее, это невозможно, но теперь они нанизаны на новую диковинную нить!

Мы пробыли в Копенгагене три недели; Эмиль почти не расставался с нами и потом проводил нас обратно до Корсера; там мы обручились и расстались! Теперь вы понимаете, отчего и я называю дорогу от Копенгагена до Корсера обрывком жемчужной нити.

Позже, когда Эмиль получил приход в Ассенсе, мы женились. Часто вспоминали мы поездку в Копенгаген и собирались повторить ее, но тут явилась сначала ваша мать, потом другие ее братья и сестры, хлопот и забот прибыло, а тут дедушка ваш получил повышение и стал пробстом (Священнический сан, соответствующий протоиерейскому. — Примеч. перев.), дела шли хорошо, в семье у нас была тишь да гладь, да Божья благодать, но в Копенгаген мы так и не попали. Ни разу я больше не побывала там, хоть мы и часто думали и говорили о поездке. Теперь же я состарилась, не гожусь ездить по железным дорогам. Но радоваться им радуюсь. Чистая благодать! Теперь вы можете быстрее приезжать ко мне! Теперь Одензе не дальше от Копенгагена, чем в дни моей молодости было от Нюборга! Вы можете теперь слетать в Италию во столько же времени, сколько

мы употребили тогда на поездку в Копенгаген, вот что!.. Но я все-таки не двигаюсь с места — пусть ездят другие ко мне! Нечего вам смеяться над тем, что я такая сидня! Мне предстоит иное путешествие, куда более далекое и скорое. Когда Господь Бог призовет меня, я отправлюсь к дедушке, а когда вы совершите ваше земное дело, порадуетесь вдоволь на этот чудный мир, я знаю, что и вы придете к нам, и мы поговорим тогда о нашей земной жизни. И поверьте, дети, я и тогда скажу, как теперь: «Дорога от Копенгагена до Корсера — настоящая жемчужная нить!»